

*К 100-летию со дня рождения
Андрея Николаевича Колмогорова*

А. М. Абрамов

**«О ПОЛОЖЕНИИ
С МАТЕМАТИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ»
(1987–2003)**

*Приложение***Sic transit...****С. С. Кутателадзе**

25 апреля 2003 года — столетие со дня рождения Андрея Николаевича Колмогорова. Личность и творческий вклад этого гениального человека в мировую науку и российскую культуру столь значительны, что любые крохи воспоминаний о событиях, связанных с ним, могут пригодиться людям, задумывающимся о жизни и её принципах.

Меня давно просили описать, хотя бы отчасти, известные мне события вокруг статьи Ю. И. Мерзлякова «Право на память» и, в частности, обстоятельства полемики А. Д. Александрова и Л. С. Понтрягина по этому поводу. История эта весьма противная, и углубляться в неё и переживать ушедшее вновь — дело малоприятное.

К сожалению, исторический нигилизм нашего времени всё больше сопрягается с нигилизмом нравственным. «Прошлые преступления канули в прошлое. Прошлого нет сейчас. Значит, сейчас нет и прошлых преступлений. А на нет и суда нет». Этот популярный софизм лежит в основе того распространённого воззрения, что нельзя вспоминать и принимать во внимание прошлые преступления из-за срока давности. Последнее верно лишь отчасти. Убийца, даже совершивший своё преступление по неосторожности и освобождённый от уголовного преследования или уже понёсший наказание и живущий со снятой судимостью, остаётся убийцей навсегда. Вор, вернувший украденное, может быть помилован и не подвергнут наказанию. Однако, факты убийства или воровства

не отменяются решениями, принятыми по этим поводам. Люди несут багаж своих поступков всю жизнь. Прощать плохое и не напоминать об ушедшем часто бывает справедливым и благородным делом. Однако преступления не становятся со временем шалостями и проступками. И только исправленные ошибки исчезают. Забывать же прошлое и его уроки плохо всегда... Высказанными соображениями я руководствовался, принимая решение взяться за изложение этого эпизода.

Статья Ю. И. Мерзлякова появилась 17 февраля 1983 года в местной «многотиражной» газете «Наука в Сибири», издававшейся Президиумом Сибирского отделения Академии наук. Сам Ю. И. Мерзляков слыл довольно известным специалистом в области рациональных групп, был доктором наук и профессором. Человеком он был незаурядным, не лишённым литературных и иных талантов, а потому обладал немалым числом приверженцев. Его статья долгое время рассматривалась возникшим несколько позже обществом «Память», в особенности его Новосибирским отделением, как кредо.

Полное понимание подтекста статьи Ю. И. Мерзлякова без пояснений практически невозможно для людей, далёких от математической жизни того времени. Да и в те годы восприятие этого сочинения в столицах и в Новосибирске разнилось чрезвычайно. Однако, для всех математиков был очевиден смысл следующего пассажа статьи Ю. И. Мерзлякова:

Яркий пример учёного-гражданина наших дней — академик Лев Семёнович Понтрягин. За выдающиеся научные сочинения он был избран почётным членом Международной Федерации астронавтики — наряду с космонавтами Гагариным и Терешковой. Не касаясь всех сторон многогранной деятельности Л. С. Понтрягина, остановлюсь только на одной проблеме общегосударственного масштаба — проблемы школьного математического образования. Именно Л. С. Понтрягин был первым, кто решительно указал — в частности, на страницах

журнала «Коммунист»¹ — на пагубность навязанного нашей школе поворота в сторону чрезмерной формализации математики, вольно или невольно рассчитанной на нетипичное для основной массы населения ускоренное интеллектуальное развитие (со столь же быстрым, как правило, достижением творческого потолка). Как показал поток откликов на выступление Л. С. Понтрягина, критика оказалась в высшей степени правильной и своевременной.² В частности, вице-президент Академии наук СССР академик А. А. Логунов, выступая в октябре 1980 года на сессии Верховного Совета СССР, констатировал, что с преподаванием математики в школе создано серьёзное положение, её изучение по существующим учебникам «способно полностью уничтожить не только интерес к математике, но и к точным наукам вообще». (Замечу в скобках, что руководитель реформы получил в 1980 году премию в 100000 долларов от государства, с которым СССР разорвал дипломатические отношения как раз в год начала реформ.)³

Прочее содержание статьи было во многом инспирировано откровенно скандальной обстановкой, царившей в те годы в среде новосибирских алгебраистов и логиков, да и вообще в математическом сообществе Сибири. Дело в том, что на повестке дня стояли неизбежный уход С. Л. Соболева с поста директора и связанные с этим битвы за передел власти и места под солнцем, довольно характерные для академической среды того времени.

Не хочу вдаваться в анализ прочих деталей статьи, так как согласен с оценкой С. Л. Соболева, который выразил своё отношение к кликушествам Ю. И. Мерзлякова словами: «Роль Савонаролы не к лицу учёному XX века».

Умное и острое письмо, отменявшее клевету в адрес А. Н. Колмогорова и дающее справедливую негативную оценку статьи в

¹ *Коммунист*, 1980, № 14, с. 99–126

² *Коммунист*, 1980, № 18, с. 118–121; 1982, № 2, с. 125–126

³ *Notices Amer. Math. Soc.*, 1981, 28(1), p. 84

журнала «Коммунист»¹ — на пагубность навязанного нашей школе поворота в сторону чрезмерной формализации математики, вольно или невольно рассчитанной на нетипичное для основной массы населения ускоренное интеллектуальное развитие (со столь же быстрым, как правило, достижением творческого потолка). Как показал поток откликов на выступление Л. С. Понтрягина, критика оказалась в высшей степени правильной и своевременной.² В частности, вице-президент Академии наук СССР академик А. А. Логунов, выступая в октябре 1980 года на сессии Верховного Совета СССР, констатировал, что с преподаванием математики в школе создалось серьёзное положение, её изучение по существующим учебникам «способно полностью уничтожить не только интерес к математике, но и к точным наукам вообще». (Замечу в скобках, что руководитель реформы получил в 1980 году премию в 100000 долларов от государства, с которым СССР разорвал дипломатические отношения как раз в год начала реформ.)³

Прочее содержание статьи было во многом инспирировано откровенно скандальной обстановкой, царившей в те годы в среде новосибирских алгебраистов и логиков, да и вообще в математическом сообществе Сибири. Дело в том, что на повестке дня стояли неизбежный уход С. Л. Соболева с поста директора и связанные с этим битвы за передел власти и места под солнцем, довольно характерные для академической среды того времени.

Не хочу вдаваться в анализ прочих деталей статьи, так как согласен с оценкой С. Л. Соболева, который выразил своё отношение к кликушествам Ю. И. Мерзлякова словами: «Роль Савонаролы не к лицу учёному XX века».

Умное и острое письмо, отметавшее клевету в адрес А. Н. Колмогорова и дающее справедливую негативную оценку статьи в

¹ *Коммунист*, 1980, № 14, с. 99–126

² *Коммунист*, 1980, № 18, с. 118–121; 1982, № 2, с. 125–126

³ *Notices Amer. Math. Soc.*, 1981, 28(1), p. 84

целом, С. Л. Соболев переправил 9 марта из Москвы в дирекцию Института. Мне довелось читать этот рукописный тетрадный листок, который, к сожалению, не встретил должного понимания всех адресатов, долго скрывался от общественности и был оглашён на Учёном совете Института математики после острейших баталий и конфликтов. Более важным, чем принципиальная и честная позиция С. Л. Соболева, в то время многим показалось мнение партийного начальства. В результате итераций под давлением партийных начальничков возникла официальная позиция дирекции Института, которая, фиксируя заслуги А. Н. Колмогорова, отмечала правильность постановки Ю. И. Мерзляковым вопросов патриотизма.

Патриотизм и клевета... Знакомое сочетание...

Тут уместны неприятные рассуждения общего характера о профессионализме и математиках. Профессионализм требует абсолютной преданности делу и, поглощая личность, склонен последнюю обеднять. В математической среде, где профессионализм вырабатывается весьма рано, не всегда просто дело обстоит с развитием необходимых нравственных качеств (в этом отношении математическая среда весьма родственна спортивной). Ни для кого не являются секретом элементы сплетни, ревности и зависти, имеющие хождение среди даже первых математиков во всём мире. Ненависть к таланту окружающих часто смешивалась или замещалась ксенофобией, расизмом, антисемитизмом и другими элементами того же свойства. Да и сейчас такие явления совсем нередки. Обострённая реакция на малейшие признаки наличия или отсутствия антисемитизма, справедливо или нет, была всегда и остаётся в России лакмусовой бумажкой для различения людей по типу «свой-чужой». Без понимания этих обстоятельств русской жизни, мне кажется, нельзя правильно понять в полном объёме всей остроты событий, вызванных статьёй Ю. И. Мерзлякова...

Кстати сказать, мне говорили, что тогдашний редактор газеты «Наука в Сибири» оправдывался тем, что несколько нарушил принятый порядок визирования и прохождения материала для того, чтобы поместить статью Ю. И. Мерзлякова в номер ко Дню

Советской армии как особо патриотическую. В своей среде мы уже тогда называли подобные воззрения «клеветническим патриотизмом». Смещение любви к Отечеству с клеветой всегда явно характеризует «последнее прибежище негодяев».

Московский математический мир в основном отреагировал на статью Ю. И. Мерзлякова быстро и адекватно. Главенствовало понимание того, что пасквиль может нанести удар по здоровью А. Н. Колмогорова, каковое к тому времени уже резко пошатнулось. Конечно, газету Андрею Николаевичу не показывали, но приближалось его 80-летие, а статья Ю. И. Мерзлякова могла спровоцировать нежелательные осложнения — например, отсутствие церемониального правительственного награждения к юбилею, которое могло быть замеченным А. Н. Колмогоровым, вызвать его аналитический интерес и расследование с возможными неблагоприятными последствиями для здоровья.

Способствовало распространению достойной реакции и то обстоятельство, что статья появилась в канун общего собрания Академии наук СССР в Москве, куда экземпляры газеты были немедленно переправлены. Исключительно резкую реакцию неприятия клеветы и доносного стиля проявили ведущие математики: А. Д. Александров, С. М. Никольский, С. П. Новиков, Ю. В. Прохоров, С. Л. Соболев, Л. Д. Фаддеев и многие другие.

Уже 14 марта появился письменный отклик А. Д. Александрова с анализом статьи Ю. И. Мерзлякова. Характеризуя статью как объективно антисоветскую и субъективно подлую, А. Д. Александров обосновывал необходимость решительного пресечения любых проявлений клеветы и политических доносов. Закljučая свой отклик, А. Д. Александров писал:

Сам же Ю. И. Мерзляков несомненно получил право на память. Потому что, по крайней мере, некоторые его суждения так злобны и чудовищны, что могут войти в историю... Итак, мы смогли убедиться, что статья Ю. И. Мерзлякова объективно антисоветская, субъективно

подлая, грубая, антипатриотическая, хотя как будто призывает к патриотизму.

Но не будем судить автора жестоко, скорее о нём надо сожалеть, потому что перед нами несомненный патологический случай. Только извращённая мысль и болезненное воображение, затуманенное патологическим озлоблением, могли породить этот поток грубости и грязи! Отщепенцы, внутренние эмигранты, нравственное развитие на полпути от амёбы до человека пещерного, корова, делающая лепёху, скотина, холуйская серость мелкого лапочника и как завершение всего в конце – чудовищный образ злодеев, ползущих обирать раненых, как изображение «орды» научных работников и, в частности, своих коллег. Дальше идти некуда – явная патология.

Надо отдать должное Отделению математики Академии наук и лично Ю. В. Прохорову, ставшему инициатором и редактором следующего Постановления Бюро Отделения математики от 25 марта 1983 года.

Академик Ю. В. Прохоров информировал присутствовавших о появлении в еженедельной газете «Наука в Сибири» № 7 от 17 февраля 1983 года Президиума СО АН СССР статьи сотрудника Института математики СО АН СССР д. ф.-м. н. Ю. И. Мерзлякова «Право на память», содержащей однозначно расшифруемый выпад против выдающегося советского учёного академика А. Н. Колмогорова.

В дискуссии участвовали академики С. М. Никольский, В. С. Владимиров, С. П. Новиков, А. А. Самарский, С. Л. Соболев, Л. Д. Фаддеев, члены-корреспонденты АН СССР А. В. Бицадзе, И. М. Гельфанд, А. А. Гончар, С. В. Яблонский. Все выступавшие единодушно осудили недостойные выпады, содержащиеся в статье Ю. И. Мерзлякова, и квалифицировали их как клевету против выдающегося учёного и патриота. Отмечалось, что статья содержит выпады и против ряда других советских математиков.

Бюро Отделения математики АН СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Отметить, что статья д. ф.-м. н. Ю. И. Мерзлякова «Право на память», опубликованная в газете Президиума Сибирского отделения АН СССР «Наука в Сибири» № 7

от 17 февраля 1983 г., содержит клевету на выдающегося учёного математика и советского патриота.

Отметить, что статья содержит ряд недостойных намёков на других советских математиков.

2. Просить Президиум Сибирского отделения АН СССР принять соответствующие меры в связи с изложенным в п. 1.

Постановление Бюро Отделения математики АН СССР было принято единогласно.

В Сибири того времени кусты провинциальности были уже весьма зрелыми, и забота о чести, достоинстве и здоровье А. Н. Колмогорова, как и противодействие гадостям типа антисемитизма, представлялась кое-кому делом ничтожным по сравнению с личными переживаниями о карьере, славе и благополучии. Сейчас воспринимается как анекдот следующий факт, переданный мне А. Д. Александровым: один из высших руководителей Сибирского отделения того времени на протесты и негодования по поводу статьи Ю. И. Мерзлякова отреагировал искренним вопросом: «А кто собственно такой Колмогоров?» Каково было нам узнавать об этом...

28 марта состоялось заседание Президиума СО АН СССР. Были зачитаны официальное письмо Института, подписанное тремя заместителями директора и секретарём парткома и более мягкое второе письмо С. Л. Соболева. «Савонарольное» письмо даже не было упомянуто.

К сожалению, официальный текст Постановления Бюро Отделения математики в Новосибирск не поступил (время факсимильной связи ещё не настало). А. Д. Александров дал справку об этом постановлении, но недаром говорится: «без бумажки ты букашка». В. А. Коптюг, у которого А. Д. Александров никогда не вызывал положительных эмоций, смягчал обсуждение, ссылаясь на неясную позицию Института математики и отсутствие письменного текста московского Постановления. Не помогли резкие выступления членов Президиума Сибирского отделения академиков Г. К. Борескова, С. С. Кутателадзе и А. Н. Скринского, осудивших клевету в адрес

А. Н. Колмогорова и настаивавших на принципиальной реакции. В результате было принято довольно беззубое решение, в котором указывалось, что редакция газеты допустила серьёзную ошибку, напечатав статью Ю. И. Мерзлякова, «написанную стилем, не соответствующим духу и задачам газеты». Так клевета стала стилем в мнении части тогдашнего руководства Сибирского отделения.

Усилия ревнителей А. Н. Колмогорова обеспечили некоторый тактический успех — 22 апреля был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении академика А. Н. Колмогорова орденом Октябрьской революции за большие заслуги в развитии математической науки, многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения. Мне кажется, А. Н. Колмогоров так и не узнал о статье Ю. И. Мерзлякова.

Важную роль для Новосибирска сыграла публикация 12 мая в газете «Наука в Сибири» материала об А. Н. Колмогорове, написанного С. Л. Соболевым, А. А. Боровковым и В. В. Юринским. В их статье А. Н. Колмогоров предстаёт как один из крупнейших математиков XX века, как выдающийся педагог, горячий патриот, создатель научной школы, пользующейся мировой известностью и имеющей мало аналогов в истории науки. Было подчёркнуто неоспоримое влияние А. Н. Колмогорова на развитие математики в Сибири.

Дело, конечно, этим не кончилось. Уже 30 апреля на публичке появилось «Особое мнение Л. С. Понтрягина». В своём сочинении Л. С. Понтрягин выразил несогласие с Постановлением Бюро Отделения математики (в котором он состоял, но на заседании которого 25 марта не присутствовал по болезни). Он отвёл от Ю. И. Мерзлякова обвинение в клевете на А. Н. Колмогорова и оценил статью «в целом положительно, так как она призывает к гражданственности, которой сильно не хватает нашим учёным». Л. С. Понтрягин, в частности, писал:

Я утверждаю, что высказывание Ю. И. Мерзлякова относительно Колмогорова даже в расшифрованном виде не может рассматриваться как клевета. В нём не

утверждается причинной зависимости между неудачей реформы и присуждением премии. Но у самого читателя может возникнуть мысль о причинной зависимости.

«Особое мнение» стало редким фактом открытого присоединения к очернению А. Н. Колмогорова. Текст Понтрягина, написанный в стиле прямой полемики с А. Д. Александровым, содержал вопрос: «Кого же так страстно защищает А. Д. Александров в своём отклике?» Конечно, А. Д. Александров не дал гонителям А. Н. Колмогорова никаких шансов оставить этот вопрос риторическим.

Ответ Понтрягину А. Д. Александров закончил 28 мая. Подтверждая свою оценку статьи Ю. И. Мерзлякова как политического клеветнического доноса, А. Д. Александров писал:

В своём отклике на статью Мерзлякова я характеризовал это как подлость и повторяю: это подлость, самая низкая подлость.

Академик Понтрягин немолодой человек и знает, какой смысл имели подобные подлости во времена 1937 года. Он мог бы, в частности, знать, что великий русский учёный Николай Иванович Вавилов умер в тюрьме именно потому, что на него был сделан политический клеветнический донос. Теперь академик Понтрягин поддерживает возрождение политических клевет и доносов и даже усматривает в них «гражданственность». Однако они осуждены нашей партией и народом. И Бюро Отделения математики проявило настоящую гражданственность, дав отпор клевете Мерзлякова. «Гражданственность» же в смысле Понтрягина уже проявилась раньше в его статье в «Коммунисте», где он возводил клеветы на нашу математику. Теперь она проявилась в его «Особом мнении» в поддержку подлости и клеветы, не только в отношении А. Н. Колмогорова, но и в отношении наших учёных, среди которых якобы лезет орда самых ужасных карьеристов и злодеев...

Со 2 июня по 7 июня в Институте математики Сибирского отделения АН СССР были вывешены для всеобщего обозрения тексты мартовских решений Бюро Отделения математики и Президиума СО АН СССР. Этим завершился кризис «клеветническо-патриотической гражданственности» в Новосибирске в 1983 году.

Описанные события в истории отечественной науки сопоставимы лишь с так называемым «делом академика Н. Н. Лузина». Капитальное отличие 1983 года от происходившего в 1936 году в том, что личность А. Н. Колмогорова нравственно объединила подавляющее большинство математиков нашей страны, которые поставили заслон клевете и политическому доносительству в своей среде.

Sic transit separatio.

*Новосибирск
12 мая 2003 г.*